

© О.Ю. Артемова

«А судьи кто?» (о тех, кто уничтожал науку о первобытной культуре)

Ключевые слова: этнография, этнология, история первобытного общества, эволюция социальных институтов, идеология, политика, власть и наука, идеолого-политический прессинг

Автор статьи пытается понять, как могла произойти в нашей стране в советское время жесткая идеологизация науки о ранних формах социальной эволюции. Показан огромный вред, который принесли этой сфере этнологических исследований некоторые профессионально несостоятельные, но политически ангажированные публикации, равно как и в целом деятельность их создателей. Называются их имена и приводятся выразительные цитаты из публикаций 1930-х годов. Поднимаются ключевые вопросы научной этики и нравственной ответственности ученых. Указывается на угрозы для этнологической науки, которые может повлечь за собой идеолого-политический прессинг и в наше время.

Преамбула

До сравнительно недавнего времени в нашей этнологии изучение бесписьменных безгосударственных культур в значительной мере служило средством для разработки общей теории ранней социальной эволюции, что, как известно, называлось историей первобытного общества. Нам досталось солидное наследство от дооктябрьской эпохи. Первобытную историю разрабатывали крупнейшие ученые. Именно стремлением быть в курсе всех идейных направлений мировой этнологии объясняется то обстоятельство, что русские этнографы, почти лишенные возможности вести полевые исследования среди аборигенов Австралии, индейцев Америки, африканских, южноазиатских, океанийских и других «экзотических народов», уделяли им огромное внимание, пользуясь чужими материалами. Ведь эти материалы служили и продолжают служить почвой для сближения с западной наукой. Взаимодействие с ней невозможно без анализа тех конкретных этнографических данных, ко-

Артемова Ольга Юрьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, заместитель директора Института антропологии и этнологии Российского государственного гуманитарного университета. artemova.olga@list.ru <https://orcid.org/0000-0003-0937-6920>

Для цитирования: Артемова О.Ю. «А судьи кто?» (о тех, кто уничтожал науку о первобытной культуре) // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С. 96–118, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/96-118>

торыми она питалась и питается. Поэтому в предшествующий Октябрьской революции период не существовало не только барьера, но и даже сколь-нибудь заметной границы между русской этнографией и западной социальной/культурной антропологией. Большинство русских этнологов работало в русле классического эволюционизма. Но некоторые относились к нему резко критически, например, А.Н. Максимов и П.Ф. Преображенский. В первую очередь именно благодаря им накануне Октября российские теоретические представления о ранних этапах социальной эволюции находились на передовом рубеже международного знания. Традиция серьезной и объективной научной критики — без всякой робости перед «авторитетами» — была весьма устойчивой.

После Октябрьской революции была, как мы знаем, декларирована задача разработки марксистских методов исследований, которая интенсивно реализовалась в области изучения ранних стадий социальной эволюции, вызвавших специфический интерес у основоположников марксизма. При этом советский «этнографический марксизм» вступил в симбиоз с классическим эволюционизмом. Одновременно происходила как бы автономизация советской этнологии, обособление ее от западной науки. Однако в 1920-е годы марксизм у нас выступал лишь в виде комплекса концептуальных установок. В публикациях того времени можно встретить разнообразие оригинальных авторских подходов. Кроме того, в те годы работали ученые, не переходившие на марксистские позиции. Например, в работах А.Н. Максимова мы не найдем ни одной ссылки на К. Маркса и Ф. Энгельса. Этот краткий период отмечен выходом в свет целой серии выдающихся исследований. В их числе ранние публикации С.А. Токарева «О системах родства австралийцев», «Общественный строй меланезийцев», «Родовой строй в Меланезии» (1929, 1929, 1933), равно как и такие новаторские работы как «Первобытный монотеизм у огнеземельцев» П.Ф. Преображенского (1929) и «Происхождение экзогамии» А.М. Золотарева (1931). Словом, в ранней советской этнографии/этнологии царил дух творческих поисков и экспериментаторства. Тщательный анализ стенограмм Совещания этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. позволил С.С. Алымову и Д.В. Арзютову «говорить о том, что советские этнографы оказывались осведомленными едва ли не обо всех текущих дискуссиях в антропологии того времени в США, Великобритании, Франции, Германии, Австрии и т.д.» (Алымов, Арзютов 2014: 49).

Но то был, как мы знаем, трагический рубеж как во внутривосточной обстановке в стране, так и в науке, даже в такой, казалось бы, весьма далекой от текущей политики отрасли, как изучение ранних форм социальных институтов. В течение нескольких лет марксизм был превращен из методологии в набор догм, отступление от которых представляло не только угрозу для возможности публиковаться, но и реальную опасность для жизни ученых.

Процесс этот выразился, как известно, в канонизации теории эволюции социальных институтов первобытности, которая была разработана Л. Морганом в 1860–1870-е годы и в основных чертах воспроизведена Ф. Энгельсом в знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в 1884 г. К этому добавилась догматизация отрывочных высказываний основоположников марксизма из некоторых других их работ, а также из частных писем или даже набросков к ним и даже из заметок на полях читанных ими книг.

В результате укоренилась следующая жесткая и внутренне очень противоречивая схема: промискуитет как самая ранняя стадия развития человеческих сообществ; затем групповой брак с двумя последовательно сменявшими друг друга формами семьи — кровнородственной и пуналуальной; одновременно формировавшийся материнский род, представлявший собой социально-экономический, производственный коллектив; затем постепенно создававшаяся в его недрах парная семья и, наконец, отцовский род и патриархальная семья, которая появляется только на стадии классообразования. Далее, эпоха «классической» первобытности — это эпоха «первобытного коммунизма» и полного социального равенства. Причем это представление каким-то странным образом уживалось с понятием матриархата — господства женщин в «классической первобытности». Далее, тотемизм объявлялся универсальной формой первобытной религии. И, наконец (правда, уже позднее), сформировалась еще одна чудовищная догма: первобытное общество — общество, в котором личность по существу нивелирована, люди лишены индивидуальности, неотличимы друг от друга. Стоит ли говорить, что при такой схеме «первобытное общество» превращалось в чистую абстракцию, некую бесплотную субстанцию, существующую вне времени и пространства.

Утверждение этой схемы, естественно, сделало невозможным продолжение серьезных исследований в области первобытной истории, так как фактический материал по «архаическим» обществам нисколько не вписывался в нее, как не вписывались и выводы исследователей предыдущего десятилетия. А авторы их — те, кто не были репрессированы, как профессор П.Ф. Преображенский, — либо отошли от острых тем, как С.А. Токарев, либо вовсе ушли из науки, как вынужден был сделать А.Н. Максимов, либо совершенно перестроились и стали утверждать противоположное тому, что утверждали раньше (например, С.П. Толстов). Некоторые же, такие как Е.Ю. Кричевский или С.Н. Быковский, взяли на себя роль гонителей всего, что не сочеталось с предписанными догмами.

В результате теоретическая мысль не просто затормозилась, но как бы окаменела. И это в то время, когда в мире в целом этнология (культурная/социальная антропология) сделала огромный шаг вперед.

Многие советские авторы теперь уже не следовали традиции тщательного поиска новых фактических данных в иностранной литературе. Даже универсальная прежде установка на изучение по крайней мере трех европейских языков — английского, немецкого и французского — утратилась. Стали обходиться каким-нибудь одним или вообще «без языка». Анализ новых теоретических направлений западной науки сменился так называемой «критикой буржуазных концепций», которая велась почти исключительно с идеологических позиций и в идеологических целях. Во «внутренней» научной жизни точно так же подлинная аналитическая критика отступила перед критикой идеологической. Не страшно и не стыдно стало «недобрать» фактов или даже их исказить, страшно было лишь заслужить обвинение в «антимарксизме», в буржуазных заблуждениях вроде «прамонотеизма», «бюхерианства», «релятивизма» и т.п. Все это отчетливо сказывалось даже после хрущевской «оттепели», когда наиболее радикально настроенные и смелые этнографы стали пробивать одну за другой брешы в идеологической твердыне. Последствия этой беды до сих пор ощущаются в немалом числе отечественных публикаций.

Но как такое могло случиться?

Обыкновенный карьеризм

Ну да, в стране учинили «великий перелом» в духе самых страшных прозрений Иоанна Богослова и мечтаний Петра Верховенского, персонажа из романа «Бесы», созданного гениальным провидцем Достоевским: «Мы сделаем такую смуту, что всё поедет с основ... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Не надо образования, довольно науки! ... но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания... Полное послушание, полная безличность!... Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Главное, легенду!.. два-три сомоновских приговора пустим...»

Читавшие ли Достоевского или не читавшие советские правители чутьем уловили, что нужно делать, чтобы удержать и укрепить свою власть. Но ведь то были лишь общие векторы безжалостной политической воли и поставленные на службу им трескучие идеологические лозунги — «кто не с нами, тот против нас», «смерть классовым врагам» и т. п. — из которых отнюдь не следовало, что надо вытеснять и уничтожать (физически и морально) этнографов, не признающих существования на заре человеческой истории группового брака в двух последовательных формах — кровнородственной и пуналуальной — выведенных на основе изучения турано-ганованских и гавайских номенклатур родства. *Разве такое могли придумать организаторы «великого перелома»?*

«Чтобы определить, кто есть друг, а кто враг, — справедливо отмечал Ю.Л. Слезкин в статье «Советская этнография в нокдауне» — нужно было уяснить разницу между передовой и вредной теориями, но ни классики марксизма-ленинизма, ни текущие партийные директивы не содержали четких указаний, как это сделать в каждой конкретной отрасли» (Слезкин 1993: 113).

В каждой конкретной отрасли это могли сделать только те, кто находился внутри нее, «жили в ее лоне». Кто же они были?

В одной из своих публикаций, посвященных трагическим страницам советской археологии той эпохи, А.А. Формозов писал: «Будем снисходительны и справедливы к людям 1920–1930-х гг. Кто-то эмигрировал... Но большинство осталось, чтобы разделить судьбу своего народа и принять участие в строительстве новой жизни». Однако их безжалостно и последовательно вытесняли из науки. Места серьезных исследователей занимали воинствующие невежды. Будем справедливы и к ним» (Формозов 1998: 201–204).

Вот справедливости ради вспомним их имена и то, как они «наводили порядок» в лоне первобытной истории. Главными были те, кто в прежние годы вели революционную борьбу, воевали на фронтах Гражданской войны, занимались утверждением советской власти в столицах, малых городах и селах, а по окончании бурных событий остались не у дел и искали новые ниши и новые поприща для своих динамичных натур. Этнография, в особенности же история первобытного общества, оказалась весьма удобной сферой, так как классики марксизма-ленинизма оставили некоторые конкретные ориентиры. Самые видные из этих новых деятелей концентрировались в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) или были тесно связаны с ней, а также являлись преданными последователями возглавлявшего это

учреждение «живого классика», непререкаемого (до поры) авторитета — академика Н.Я. Марра.

Одну из первых ролей сыграл Валериан Борисович Аптекарь. В родном городе Золотоноше он вступил в 1918 г. в РКП(б), был членом местного Революционного комитета, потом в Полтаве работал следователем Особого отдела ВЧК. Оказавшись затем на партийной работе в Москве, он молниеносно сделал «научную» карьеру в сфере обществоведения и лингвистики, достигнув статуса профессора и побывав руководителем ряда научных подразделений московских и ленинградских учреждений (Аптекарь Валериан Борисович б/г; *Апатов* 1991: 84–86, 95–97 и др.; *Васильков, Срокина* 2003: 36–37). Помимо золотоношской гимназии, он окончил только три курса Отделения внешних сношений Факультета общественных наук тогдашнего 1-го МГУ. Кстати — дважды получал выговоры по партийной линии за аморальное поведение. Вот как о нем отзывалась О.М. Фрейденберг в письме к Борису Пастернаку: «В Москве я познакомилась с Аптекарем. Это был разухабистый, развязный и дородный парень в кожаном пальто, какое носили одни „ответственные работники“. Ходил он, раскачиваясь, словно не желая признавать препятствий. Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень и местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний („методологии“) не нужны сами знания» (Переписка Бориса Пастернака 1990: 12)¹.

В 1929 г., на упоминавшемся выше Совещании этнографов Москвы и Ленинграда Аптекарь был одним из распорядителей и ключевых ораторов. Он брал слово неисчислимое количество раз, неоднократно нападал на маститых ученых, в том числе на В.Г. Богораза, с обвинениями в антимарксизме и или ложном толковании марксистской методологии. Среди многого другого он заявлял, что этнология рассматривает понятия «культура» и «этнос» в отрыве от производственных отношений и, следовательно, является «буржуазным суррогатом обществоведения». Участники совещания, явно подавленные страхом попасть под сокрушительные удары Аптекаря и его соратников, приняли тезисы, в которых этнология была квалифицирована как буржуазная попытка создания отдельной науки о культуре и признана вредной и ненужной, а вот произвольно отграниченной от нее этнографии дозволено было «остаться в живых» в качестве «исторического изучения конкретных во времени и пространстве человеческих обществ и отдельных культурных явлений». При этом было определено, что «этнография есть та часть истории, которая занимается первобытно-общинным строем» (Совещание 1929: 110–144; От классиков к марксизму 2014; *Слезкин* 1993: 116).

В 1932 г. состоялось Всероссийское археолого-этнографическое совещание. На нем уже и этнография (на пару с археологией) была «отучена от марксизма». Археологию обвинили в идеализации «вещеведения», а этнографию — в эклектизме, буржуазном национализме и великодержавном шовинизме. Даже сохра-

¹ Этот отклик дважды цитировался в издании «От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) — Е.А. Резваном (2014:9) и С.С. Алымовым в соавторстве с Д.В. Арзютовым (2014: 40–41).

нение особого имени за той отраслью исторической науки, которая занималась «первобытными народами», квалифицировалось как «дань колониализму». Только за историками первобытности удерживалось право на научные теоретические исследования, но и им даны были четкие директивы: scrupulously изучать вопросы, поднятые Марксом, Энгельсом и Лениным, а именно материальное производство в его конкретных вариантах, происхождение семьи, происхождение классов, происхождение и формы религии, искусства и других надстроек, формы разложения первобытно-коммунистического общества (Резолюция 1932; Слезкин 1993: 119; Формозов 1993).

На этом совещании главенствующие роли сыграли Н.М. Маторин и С.Н. Быковский. Маторин, в частности заявлял, что продолжение полевых работ в современных условиях «есть проявление империализма... Этнография есть не что иное, как первая глава в учебнике истории. Термин „этнография“ может поэтому сохранить условное значение для той части исторического знания, которая связана с доклассовым обществом и его пережитками» (Резолюция 1932: 12–14; Слезкин 1993: 119).

Николай Михайлович Маторин окончил в 1916 г. Императорскую Николаевскую Царскосельскую гимназию и поступил на Историко-филологический факультет Петербургского университета, но был призван на Первую мировую войну. Вернувшись в Петроград после Октябрьской революции, вступил в РКП(б) и несколько лет провел на партийной работе, а потом переключился на преподавательскую и научно-организационную деятельность, сначала связанную только с советской идеологией и ее пропагандой, а потом — с географией и этнографией. После ряда сложных перипетий, взлетов и падений, сопряженных с внутрипартийной борьбой 1920-х годов, ему удалось обрести поддержку ряда авторитетных ученых — в частности В.Г. Богораза, но главное, конечно же, Н.Я. Марра — и Маторин стал неуклонно продвигаться «вверх по карьерной лестнице», переходя от одной руководящей должности к другой в разных ленинградских учреждениях (Государственной академии истории материальной культуры, Института по изучению народов, Географического общества и др.). В конце концов он оказался директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры), а затем — в 1933 г. — первым директором Института этнографии АН СССР и главным редактором журнала «Советская этнография» (Решетов 1994, 2003)

Таким образом, человек, даже не имевший систематического высшего образования, возглавил науку, которую за год до того объявил «ненаукой». Как могла случиться такая несуразица? Этого, похоже, нам никогда не удастся понять, но можно предположить, что не последнюю роль сыграла преданность партийным руководителям обеих столиц, стремление угадывать и даже предвосхищать перемены в направлениях «политических ветров» и легко разворачиваться до 180 градусов, а также бескомпромиссная борьба с чуждыми советской идеологии «псевдоучеными» — вроде П.Ф. Преображенского, который злостно занимался «провозом гребнереанской контрабанды в марксистское обществознание» (Маторин 1931: 7).

Справедливости ради следует отметить, что А.М. Решетов, главный биограф Маторина, подчеркивал его большую эрудицию и творческую одарен-

ность. У него было много научных публикаций (*Решетов* 1994, 2003; ср. также: *Алымов* 2013: 88–89; *Алымов, Арзютов* 2014: 46–48).

Сергей Николаевич Быковский в 1915 г. окончил 11-ю Московскую мужскую гимназию и поступил на Физико-математический факультет Московского университета, но со второго курса был призван в армию и направлен в школу прапорщиков, по окончании которой попал в полк, расквартированный в Москве, где началась его активная революционная деятельность, продолжавшаяся на фронте в Румынии. По возвращении в Россию поселился в Клину, вступил в РКП(б), был членом уездного исполкома, секретарем уездного комитета РКП(б), редактором газеты «Совет рабочих и крестьян». В 1919 г. был переведен на партийную работу в Москву, потом стал командиром отдельного батальона ВЧК при московской ГубЧК, откуда был мобилизован на Петроградский фронт для борьбы против войск Юденича. На Польском фронте служил начальником Особого отдела дивизии и подписал немало распоряжений о расстрелах «шпионов и диверсантов». Когда узнал об аресте отца в Киеве (по обвинению в сотрудничестве с Борисом Савиновым), письменно ходатайствовал о расстрельном приговоре, что и было осуществлено (*Застрожная, Тихонов, Тихомиров* 2023: 292–295). По окончании Гражданской войны занимался партийной работой и идеологической пропагандой в Подмоскovie, потом оказался преподавателем исторического и диалектического материализма, истории первобытной культуры и истории российского крепостничества в Вятском педагогическом институте, стал публиковать статьи и заметки на самые разные исторические темы. Обозначив себя приверженцем Н.Я. Марра, он сумел найти случай познакомиться с ним лично, что положило начало «стремительному взлету» и привело к «приземлению» в ГАИМК (1930) в роли заместителя председателя этого учреждения, т.е. заместителя самого Марра. Там Быковский до 1934 г. возглавлял публикационную деятельность, писал работы, в которых учил археологов «правильной» археологии и громил все «неправильное», «разоблачал врагов», пока сам не впал в немилость и не перебазировался в Институт этнографии АН СССР, где после «отрицания права археологии на существование как отдельной дисциплины» (1932) возглавил археологический отдел, а затем стал заместителем ответственного редактора «Советской этнографии» (Там же: 295–299) и сконцентрировался на первобытно-коммунистической формации, сохраняя верность провозглашенному ранее тезису: «Для тех, кто марксистски мыслить не может, должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснения и убеждения» (*Быковский* 1931а: 20). Сотрудничество с органами госбезопасности у него никогда не прерывалось (*Застрожная, Тихонов, Тихомиров* 2023: 298).

Быковский опубликовал немало статей и рецензий, но всего три книги, из которых две — в 1931 г. Одна была чем-то вроде учебного пособия по методике исторического исследования (*Застрожная, Тихонов, Тихомиров* 2023: 299; *Быковский* 1931в), а другая, озаглавленная «Яфетический предок восточных славян — киммерийцы» (99 страниц), доказывала, что киммерийцы не конкретный народ, а стадия в развитии любого этноса (1931б).

В том же 1931 г. вышла его статья «Этнография на службе классово-врага», в которой он обрушился на В.К. Никольского, «воинствующего апостола миссионерства» (*Быковский* 1931д), а в большой публикации, названной «Доклассовое общество как социально-экономическая формация»

(Быковский 1934), досталось С.А. Токареву и П.Ф. Преображенскому, которые осмелились выделить целых две формации для первобытно-общинного строя. Не может быть такого! А В.И. Равдоникас сначала неправильно понимал противоречие между производительными силами и производственными отношениями, но потом исправился. П.И. Кушнеру тоже перепало. Утверждалось также, что имевшиеся переводы Маркса ошибочны, но не дано ни одной ссылки на иностранные издания классиков. Вообще нет ни одной ссылки на публикации на иностранных языках. Например, информация об экономике аборигенов Австралии почерпнута из книг В.К. Никольского «Очерк первобытной культуры» (1923) и «Очерки первобытного человечества» (1926).

В третьей книге Быковского «Ленин и основные проблемы доклассового общества» (1935) В.К. Никольский и П.Ф. Преображенский обвиняются в том, что отражают буржуазные взгляды Маррета и других зарубежных авторов: они утверждали, что религия возникла на самых ранних этапах человеческой истории, тогда как некий А. Лукачевский обстоятельно показал, что это «находится в полном противоречии с фактами». Зато в полном «согласии с фактами» оказывается то, что носители трипольской культуры имели сначала материнский род, а потом — отцовский.

У Быковского был ученик и последователь, тоже приверженец Марра, Евгений Юрьевич Кричевский. Он получил хорошее образование в Ленинградском университете и, очевидно, имел задание разбираться в трудах старших коллег со знанием дела, в том числе со ссылками на релевантную иностранную литературу. Общая установка у него была такая: «Вопросы первобытной истории не менее партийны, чем вопросы истории новейшего времени. И нет такого вопроса в истории доклассового общества, вокруг которого не развернулась бы классовая борьба». Вот одно из названий его публикаций: «Марксизм и социал-фашистские искажения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества» (Кричевский 1934). Следуя своей железной логике, Кричевский крушил в ней А.М. Золотарева, который (среди прочих грехов) неправильно понял «сущность парной семьи, что есть отрицание первобытного коммунизма, что в свою очередь есть лишь обратная сторона отрицания возможности построения коммунистического общества в будущем» (Там же: 241).

Несомненно, самым талантливым, продуктивным и эрудированным автором того времени, писавшим о «первобытных народах», был С.А. Токарев, и его Кричевский атаковал особенно рьяно. Так, в рецензии на первую часть работы Токарева о родовой организации в Меланезии (1933) утверждалось, что такая публикация является «попыткой борьбы против марксистско-ленинской концепции развития доклассового общества» (Кричевский 1934: 117), что «объективной задачей» Токарева было «контрабандное протаскивание» Куновской социал-фашистской концепции развития семейно-родственных отношений», что Токарев «заинтересован в фальсификации фактов» для борьбы «с марксистско-ленинским пониманием развития первобытного общества» (Там же: 120).

Было бы смешно, если бы не было страшно читать такое: «социал-фашистская борьба против марксистского понимания истории первобытного

общества злостно отрывала (вот ужас-то! — О.А.) матриархат от группового брака(!)». «Почему Токарев, считая себя марксистом, стал на этот путь?» Почему «Советская этнография» такое напечатала? (Видимо, на судьбе Маторина это тоже плохо сказалось, и журнал какое-то время «висел на волоске»). Ведь, продолжал Кричевский, «меньшевистское и клерикальное понимание (парной семьи. — О.А.) пропагандируется на страницах «Советской этнографии», которая по существу «включается в борьбу с моргановско-энгельсовским объяснением малайской системы родства из кровно-родственной семьи и тураноганованской — из семьи пуналуального типа...» (Там же: 125). Увидев это, я мысленно воскликнула: «Эврика! Вот я и нашла ответ на вопрос, которым задалась, заставив себя читать такую бесовщину».

Столь же выразительно и дальнейшее: «Кто из исследователей одним из первых выступил с развернутой аргументацией происхождения фратрии путем слияния нескольких групп? Не кто иной, как известный Г. Кунов. А кто из исследователей с особой силой выдвинул теорию происхождения фратрии путем разделения одной из групп? Не менее известный Фридрих Энгельс. Но что за дело С.А. Токареву до Ф. Энгельса?» (Там же: 127).

Продолжать цитирование бессмысленно, и пора приступить к заключительным абзацам.

Размышляя об одной из подобных рецензий, А.А. Формозов писал: «Книга Ю. В. Готье «Железный век в Восточной Европе» стала предметом разбора в журнале «Историк-марксист». Трудно сейчас понять, чем же казалась так опасна археологическая книга Готье. Диким выглядит то, что упоминания о передвижениях народов, о колонизации некой территории воспринимались как призыв к интервенции против СССР. Или дело было совсем не в этом?» (Формозов 1993: 76).

Именно. Дело было совсем не в этом. Дело было в том, что следует четко определить словесно: **не что иное, как обыкновенный карьеризм** (аллюзия на название известного фильма М.И. Ромма — ремарка для молодых читателей²) в сочетании с отсутствием нравственных принципов и подлинного интереса, увлеченности, уважения и любви к науке.

Те, чьи имена и одиозные высказывания приведены выше, равно как и многие другие, видимо, не поддающиеся перечислению, просто убивали конкурентов — неслучайно слово «борьба» вновь и вновь всплывает в их писаниях — пользуясь небывалым размахом идеологического и политического террора в общественной жизни страны. Избавлялись или пытались избавляться (не всегда это удавалось, к счастью) от настоящих ученых, образованных, интеллигентных, ищущих, поглощенных исследованиями, ставящих научную истину выше конъюнктуры и себялюбия. А среди последних самыми опасными были те, кто тоже объявили себя марксистами и искренне стремились ими быть. Токарев, хотевший быть марксистом, да еще и находившийся в расцвете лет, подвергался нападкам куда чаще, чем, скажем, А.Н. Максимов, который в преклонном возрасте опубликовал книгу «Материнское право в Австралии» (1931) без единого упоминания о классиках марксизма-ленинизма и с полным

² Обыкновенный фашизм. Реж. М. Ромм. «Мосфильм», 1965.

опровержением не только матриархата, но и примата матрилинейности над патрилинейностью.

Формозов писал об археологии того времени: «Нет данных о каком-либо явном противодействии правительственному курсу, хотя бы о чем-то вроде мужественной позиции Н.Е. Макаренко, отстаивавшего от уничтожения Софийский собор и Михайловский златоверхий монастырь в Киеве. Было лишь пассивное сопротивление...» (Формозов 1993: 204).

Можно ли считать пассивным сопротивлением публикации работ, заведомо идущих против мощного течения, сметающего все на своем пути? Есть ли у ученых более сильное средство противодействия, чем обнаружение неугодных фактов и их честное истолкование?

Но было и другое. Так, П.Ф. Преображенский «резко критиковал эволюционистов, особенно Моргана (и Энгельса), назвав его работу «образчиком эволюционной схемы, в настоящее время совершенно оставленной наукой» (Преображенский 1929б: 14). А теорию первобытного коммунизма он охарактеризовал как «спекулятивную по своему происхождению», в чем «винил многих, в том числе Энгельса...» (Преображенский 1929б: 14; Алымов, Арзютов 2014: 41). В 1929 г, когда на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда принимали выше упомянутую резолюцию, Преображенский выразил несогласие и настоял на том, чтобы было запротоколировано его особое мнение (От классиков к марксизму 2014: 495; Алымов, Арзютов 2014: 41).

Эти и другие смелые и принципиальные поступки в конечном счете стоили ему жизни. В 1937 г. он был репрессирован (во второй раз), в 1941 г. — расстрелян (Иванова 1999).

Но в тех же 1936 и 1937 гг., по трагически-парадоксальной логике сплетения судеб, сгорели в огне репрессий Быковский, Маторин и Аптекарь. Кричевский погиб в блокадном Ленинграде в 1942 г.

«Из-под глыб» стали вырываться первые ласточки свободного аргументированного слова: А.М. Золотарев опубликовал исследование и заметку по классифицирующим номенклатурам родства, показав несостоятельность представлений о пресловутых кровнородственных и пуналуальных формах группового брака (1940, 1940). Через десятилетие то же подтвердил Д.А. Ольдерогге (1951). Вскоре после смерти И.В. Сталина А. Л. Монгайт и А.И. Першиц поставили под сомнение матриархат как универсальную стадию первобытной формации, хотя и настаивали на примате материнского рода и позднем происхождении отцовского рода (1955). Н.А. Бутинов, М.В. Крюков и М.А. Членов на рубеже 1960–1970-х годов стремились показать, что род может изначально формироваться как с женской, так и с мужской филиацией. Н.А. Бутинов, В.М. Бахта и, в особенности, В.Р. Кабо настаивали на том, что не род, а община была основной «производственной ячейкой первобытного общества». Но только на рубеже перестройки и после нее появились публикации, в которых: отрицалось единообразие ранних этапов социальной эволюции; в изучавшихся этнографически охотниках и собирателях, а также мотыжных земледельцах перестали видеть «аналоги первобытности»; доказывалось, что родовая организация отнюдь не является обязательной для

бесписьменных и безгосударственных культур, а также предпринимались настойчивые попытки расстаться с «первобытностью», «первобытно-родовым строем» или «первобытно-общинным строем», как с чистыми абстракциями. А ведь все это было в публикациях А.Н. Максимова 1899–1916 гг.

То, что представлено в предложенном мной здесь тексте — это лишь малый набросок к большой, наверное, неподъемной теме. К ней в постсоветской России ученые обращались многократно. Накоплена обширная литература, которая ждет полидисциплинарных обобщений.

Главный мотив, побудивший меня к этой работе — боязнь столкнуться с повторениями подобных эксцессов в своей научной среде. Хочется надеяться, что беспощадный идеолого-политический прессинг никогда больше не восторжествует в нашей стране, но и в более спокойные, мягкие, демократические, времена обыкновенный карьеризм, неумное честолюбие вкупе с беспринципностью, властолюбие и невежественное стремление вторгаться в сугубо специализированные и профессионально недоступные сферы могут быть угрозой и науке, и ученым. Пусть во многократно сглаженной, по сравнению со сталинской эпохой, форме аналоги описанных коллизий встречались и в отечественном, и в зарубежном недавнем прошлом.

Некоторые аналогии

Чтобы избежать голословности, приведу примеры. Сначала о близкой и дорогой мне Австралии. Там, в первую очередь благодаря усилиям А.Р. Рэдклифф-Брауна и его учеников в первой половине прошлого столетия выросла блестящая плеяда этнографов (социальных антропологов), главные усилия которых были направлены на изучение традиционных культур аборигенов и происходивших в них трансформаций. Назову лишь самые известные имена — А. Элкин, Р. и К. Берндты, Ф. Каберри, У. Макконнел, Д. Томсон и др. Были созданы университетские отделения во всех крупных городах, а в Канберре самое солидное научное учреждение — Институт по изучению аборигенов Австралии и островитян Торресова пролива. У истоков стоял непревзойденный исследователь — У. Станнер. На смену этому поколению пришли такие выдающиеся ученые как Н. Питерсон, К. Мэддок, М. Мэггит, Я. Кин, П. Саттон, Д. Мартин и многие другие. Некоторые из них в 1960–1980-е годы организовали с энтузиазмом подхваченное аборигенами движение «децентрализации», т.е. переселение семей или небольших родственных групп из крупных поселков «в буш» — на традиционные клановые угодья — и возвращение к традиционным способам жизнеобеспечения с использованием при этом ряда технических достижений «цивилизации». Антропологи, такие как, например, Питер Саттон (он одновременно и лингвист), или просто люди с хорошим образованием, такие как Дэвид Мартин (он тогда был инженером, а антропологом стал позднее), были adoptированы в семьи аборигенов и годами жили с ними во «внешних поселениях». Охотились вместе с ними, ловили рыбу вместе с ними, стояли дома вместе с ними, растили своих детей вместе с детьми аборигенов. Как говорила одна аборигенка о Дэвиде Мартине, «он ел то же, что и мы ели, он спал там же, где и мы спали. Мы вместе радовались и вместе плакали». А Питер Саттон вспоминал о том, сколько убитых животных он выпотрошил «вот этими руками», и о том, как на тридцативосьмиградусной жаре вместе с братьями-аборигенами «вот этими руками»

выкладывал покрытие на взлетной полосе, чтобы в их «внешнее поселение» на маленьких самолетах могли прилетать врачи (там везде были телефоны, и «летающий доктор», как это заведено в Австралии, прибывал по первому зову в любое время дня и ночи) и учителя (всех детей учили по школьным программам), и чтобы доставлялись продукты, а также вещи, без которых во второй половине XX в. уже трудно было обойтись. Разумеется, в это начинание вкладывались немалые государственные средства, причем никто не ожидал материальной «отдачи» или коммерческой прибыли от деятельности поселенцев. Все участники процесса, включая государство, стремились лишь помочь коренным австралийцам оздоровить и души, и тела (*Martin, Martin 2016, Sutton 2009*).

«Внешние поселения» в некотором числе существуют в Австралии аборигенов и по сей день, но большинство опустело, и люди вернулись в поселки. Случилось это во многом потому, что уехали в города «белые братья». Они, как сказал тот же Питер Саттон в личной беседе, «стали стареть, слабеть, просто выдохлись»; к тому же их дети подросли и нуждались в высшем образовании. А смены не пришло. Не пришло во многом потому, что другие люди стали определять социально-психологический климат в стране, и парадоксальным образом та борьба за лучшее будущее для аборигенов, которую так героически вели австралийские «шестидесятники», обернулась против них. На так называемом «антиколониальном дискурсе» усиленно зарабатывают очки некоторые молодые карьеристы, а также сформировавшиеся в последние десятилетия прошлого столетия индигенные элиты, которые претендуют теперь на решающую роль не только в государственной политике, связанной с аборигенами, но и в сопряженной с ней исследовательской работе. К ней приобщается немало людей, не имеющих необходимой квалификации, но настаивающих на том, чтобы в каждом учреждении действовали квоты для тех, кто происходит из среды коренных австралийцев. По словам австралийских коллег, многим представителям индигенной элиты, живущим в крупных городах и занимающим бюрократические посты в различных административных структурах, не свойственна реальная забота о благе жителей удаленных поселений, где аборигены ведут тяжелое, безрадостное, безысходное существование, но при этом представители так называемого индигенного истеблишмента стремятся либо вообще отстранить белых интеллектуалов, прежде всего антропологов, от практической, прикладной и даже от научной работы, связанной с коренным населением страны, либо контролировать направление и тематику такой работы. Как сказал один из коллег, скоро в Австралии не останется белых антропологов, занимающихся проблемами коренных австралийцев. «Я не уверен — добавил он — что смогу получить доступ к собственной диссертации, хранящейся в Институте по изучению аборигенов Австралии, не говоря уж о старых архивных документах». А другой, услышав это, вздохнул: «наш закат пришелся на очень плохое время». Имен этих коллег я не называю случайно, и это нехороший знак.

А начало процессу наступления на «белую антропологию» положили очень важные и очень нужные события: политическая борьба аборигенов за юридические права на традиционные земли и за законодательную охрану традиционного духовного, равно как и материального, наследия. В этой борьбе люди с классическим антропологическим образованием принимали самое деятельное участие. Были приняты соответствующие федеральные и реги-

ональные нормативные акты и сформированы различные государственные и общественные структуры, в которых ведущую роль стали играть выдвинувшиеся из среды аборигенов лидеры. Они, среди прочего, инициировали многочисленные кампании, ратовавшие за реституцию «традиционных ценностей», в том числе коллекций артефактов и других материалов, собранных антропологами предшествующих лет.

Одна их самых драматичных коллизий сопряжена была с именем выдающегося исследователя культур коренных жителей Центральной Австралии Теодора Штрелова (1908–1978). Сын немецкого миссионера Карла Штрелова, он вырос среди аборигенов, знал местные языки, имел тесные связи с людьми *аранда* и некоторых соседних общностей. Частично прошел мужские инициации. Однако его интересовала классическая филология, и перед ним после окончания университета в Аделаиде открывалась заманчивая карьера в Европе. Но научный руководитель убедил его вернуться в Центральную Австралию и посвятить себя изучению языков, религиозного и фольклорного наследия ее жителей. «Пока еще не поздно» и «кому, как не тебе это делать, ни у кого другого не будет таких возможностей». Штрелов отправился в Центральную Австралию в 1932 г., погрузился в сбор информации, изучение языков и священных обрядов, многие из которых возобновились по его инициативе и с его деятельным участием. Он получил статус посвященного. Познакомившись с тем, как живут те, среди кого прошло его детство, Штрелов включился еще и в практическую деятельность, нацеленную на защиту прав аборигенов и улучшение их положения в глухих уголках пустынной Австралии. В частности, согласился занять административную должность Протектора коренного населения. Неумоимо отстаивая интересы аборигенов, он сделался «самым ненавидимым человеком» в среде белых фермеров и иных предпринимателей, стремившихся эксплуатировать труд аборигенов и наступавших на их земли. В 1942 г. его, немца по происхождению, личные враги объявили нацистом, он лишился должности и вынужден был уехать из Центральной Австралии. Служил в армии, а потом работал в Аделаидском университете и проходил стажировку по антропологии в Великобритании в Лондонской школе экономики. В 1950 г. вернулся в Центральную Австралию и продолжил исследования еще в течение 20 с лишним лет. На новом этапе он создал множество цветных документальных фильмов и подборку цветных фотографий. Самые авторитетные лидеры аборигенов 1930-х–1950-х годов приняли решение передать ему свои знания, опыт и сакральные предметы, в том числе множество *чуринг*³: чтобы он хранил все это, так как новые поколения уже не будут знать, что с этим делать и вообще «неуправляемы и недостойны священного наследия» (Kirby 1980–81, Beinssen-Hesse 2002; Tenodi 2018; Morton 2021). Подчеркну, что за всю свою долгую жизнь в науке Штрелов опубликовал всего две крупные работы — книги «Традиции аранда» (Strehlow 1947) и «Песни Центральной Австралии» (Strehlow 1971). Он был чрезвычайно строг к себе и руководствовался принципом: «Только самое лучшее достаточно хорошо для вечности» ('Only the best is good enough for eternity' — Gibson 2017). Книги заслужили восторженные отзывы специалистов.

И вот в 1978 г. лидеры Земельного совета Центральной Австралии потребовали, чтобы Штрелов «вернул» все свои коллекции «традиционным соб-

³ Чуринги — священные предметы, использовавшиеся в эзотерических ритуалах аборигенов Центральной Австралии; чаще всего это плоские камни или небольшие деревянные дощечки, на которые нанесены символические изображения (гравировки, рисунки, живопись).

ственникам». Он наотрез отказался на том основании, что уже нет на свете людей, которые посвящены в эзотерические тайны традиционных религий и смогут правильно обращаться с сакральными парафеналиями. Он видел в своих оппонентах «новых аборигенов», невежественных полукровок, квартеронов и октеронов «без корней», не готовых хранить накопленные им ценности, не знающих, что такое сакральность, но только играющих в сакральность ради того, что он называл «индустрией аборигенности» (на потребу туристического бизнеса). Разгорелись громкие скандалы в прессе, от Штрелова отшатнулись и некоторые коллеги, и некоторые старейшины аранда (были и те, кто его поддерживали). Штрелов в буквальном смысле «стоял насмерть», и смерть не замедлила прийти. Он умер от сердечного приступа перед самым открытием в Аделаидском университете выставки, включавшей многие предметы из его коллекций.

Скандалы продолжались и после смерти Т. Штрелова, но в конце концов правительство Северной Территории выкупило коллекции у наследников и поместило их в специально созданный Исследовательский Фонд Штрелова в Алис-Спрингсе. Голоса, призывающие изъять из Фонда и «возвратить чуринги на подходящие места» все еще звучат. Фильмы Штрелова, за исключением двух, недоступны никому, потому что номинальные традиционные собственники не могут договориться о том, кому можно, а кому нельзя смотреть эти фильмы. Да и другие материалы исследователям непросто получить для изучения.

Вопрос о репатриации традиционных ценностей чрезвычайно сложен, и мне не под силу в нем разобраться, находясь вне Австралии. Но мой скромный опыт взаимодействия с коренными австралийцами, живущими в поселках, удаленных от больших городов, побуждает думать, что призывы к репатриации исходят не от этих людей. Большая их часть отнюдь не озабочена такими проблемами, а озабочена повседневными нуждами. А среди тех немногих интеллектуалов, которые вникают в общеавстралийский дискурс о судьбах традиционного наследия, выделяются люди, убежденные в том, что ценности коренных народов принадлежат мировой науке и надо оставить их под присмотром квалифицированных профессионалов (cf. *Gibson, Johnston, Cawthorn* 2023). При этом даже мне очевидно, что на такой здоровый стержень наматывается немало громкой риторики лицемерного и демагогического свойства, вроде призывов похоронить «как надлежит по обычаям» женский череп, найденный в окрестностях озера Мунго лет пятьдесят назад, датируемый сорока тысячами лет назад и играющий ключевую роль во всех исследованиях по происхождению аборигенов Австралии. А как можно расценить повторяющиеся в медиа заявления о том, что аборигены не хотят, «чтобы белые люди переводили на английский язык их песни и мифы, это должны делать только аборигены»? (*Kells* 2018). Попалась мне и диссертация, в которой утверждается, что сделанные Штреловом переводы текстов, более всего песен, аранда, носят «колониальный» характер, автор диссертации ставит перед собой задачу их «деколонизовать» (*Hersey* 2006). По нашему, по-русски, это называется «снять сливки» с чужих достижений. Противостоять идеологическому прессингу, хоть он и облечен в форму «мягкого насилия», в современной Австралии очень трудно (*Tenodi* 2018). Но вернемся на родную почву.

Как известно, в начале 1990-х годов множество людей, которые в советское время изучали и преподавали научный коммунизм, политическую экономию социализма и историю КПСС, оказались не у дел. Им потребовалось новое поприще, и некоторые активные и «влиятельные» их представители нашли, как им казалось, свободную нишу: социальную (культурную) антропологию. Возможно, кто-то из них не знал, а кто-то делал вид, будто не знает, что в нашей стране предмет изучения, научные методы и общее информационное поле той науки, которая в Великобритании называется социальной антропологией, а в США — культурной антропологией, всегда соответствовали предмету, методам и информационному полю этнографии (этнологии). Социальная (культурная, социокультурная и даже «культуральная») антропология подавалась как новшество. А этнография, уверяли русский мир «новые антропологи», — «это кружева и резные наличники».

У них, однако, сохранились надежные связи в административных структурах самого высокого уровня, и псевдоновая дисциплина была внедрена в вузовские программы (формировались кафедры или даже факультеты в разных университетах) и наполнена привычным для ее создателей содержанием, не имевшим ничего общего с ее наименованием, чему особенно способствовали подготовленные теми же людьми государственные образовательные стандарты и иные нормативные документы, а также всевозможные учебники и учебные пособия, писавшиеся и издававшиеся в неправдоподобно краткие сроки и невиданными тиражами. Никто из активных участников всей этой деятельности не имел специального — а оно могло быть только этнографическим или этнологическим — образования. Подготовка кадров по этнографии, или этнологии тогда велась в нашей стране исключительно на исторических факультетах нескольких крупнейших университетов.

Профессионалы-этологи сначала легкомысленно проигнорировали эту напасть, а потом поняли, что единственный способ противостоять натиску незваных коллег — организовать свои собственные образовательные и научные структуры, в которых социальная (или культурная, или социокультурная) антропология была бы сама собой и соответствовала мировым стандартам. Именно поэтому привычная для нас «этнография» стала постепенно преобразовываться в «социальную антропологию» или «социокультурную антропологию». Потребовалось более 15 лет настойчивых усилий академического сообщества во главе с академиком РАН В.А. Тишковым, чтобы впервые наше предметное поле обрело статус самостоятельной единицы — «антропология и этнология» — в государственных номенклатурных перечнях. К настоящему времени создано четыре «поколения» федеральных государственных образовательных стандартов по названному направлению. Оно лицензировано в 18 вузах России, и имеется уже немалое число выпускников с разнообразным спектром трудоустройства. Немалое число из них обрело ученые степени.

Казалось бы, «справедливость восторжествовала». Но нет, «покой нам только снится». В самое недавнее время возобновились попытки людей совершенно неподготовленных, не имеющих ни профессионального образования, ни профессионального опыта вторгаться в сферу государственной национальной политики, указывать специалистам-этологам (социальным антропологам), как им трактовать понятия «этноса», «этничности», «наций» и «национализма»; создавать альтернативные научные и образовательные структуры и апеллировать к властям за поддержкой (см. Тишков 2025: 260–262).

Опыт прошлого должен насторожить и мобилизовать нас.

Литература

- Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991.
- Алымов С. С.* Экспедиция в первобытность: об одной нереализованной мечте советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 88–94.
- Алымов С. С., Арзютов Д. В.* Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII). С. 21–83.
- Аптекарь Валериан Борисович // Отечественные этнографы и антропологи. XX век. 6/г. URL: ethnographica.kunstkamera.ru. Дата обращения: 28 ноября 2024.
- Быковский С. Н.* Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // Сообщения ГАИМК. 1931а. № 4–5. С. 20–22.
- Быковский С. Н.* Яфетический предок восточных славян — киммерийцы. М.: Огиз, 1931б. (Известия ГАИМК; Т. 8, вып. 8–10).
- Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л.: Огиз; ГАИМК, 1931в. (Образовательная б-ка ГАИМК. № 2).
- Быковский С. Н.* Этнография на службе классового врага // Советская этнография. 1931д. № 3–4. С. 3–13.
- Быковский С. Н.* Доклассовое общество как социально-экономическая формация // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 6–39.
- Быковский С. Н.* Ленин и основные проблемы истории доклассового общества. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. (Труды института антропологии и этнографии Акад. наук СССР).
- Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Застрожнава Е. Г., Тихонов И. Л., Тихомиров И. С.* С. Н. Быковский: от красного командира до заместителя председателя ГАИМК (новые материалы к биографии) // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 39 / гл. ред. Н. В. Хвоцинская. СПб., 2023. С. 292–310.
- Золотарев А. М.* Происхождение экзогамии // ИГАИМК. Т. 10. Вып. 2–4. 1931. С. 1–67.
- Золотарев А. М.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современная наука // Историк-марксист. 1940. № 12. С. 27–46.
- Золотарев А. М.* К истории ранних форм группового брака // Ученые записки Московского областного педагогического института. М., 1940. Т. 2. С. 144–169.

- Иванова Ю. В.* Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы / под ред. Д.Д. Тумаркина. М., 1999. Вып. 1. С. 235–264.
- Кричевский Е. Ю.* Рец. на: С.А. Токарев. Родовой строй в Меланезии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 4. С. 116–129.
- Максимов А. Н.* Материнское право в Австралии. М., 1930.
- Маторин Н. М.* Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 3–38.
- Никольский В. К.* Очерк первобытной культуры. М.-Пг.: Л.Д. Френкель, 1923
- Никольский В. К.* Очерки первобытного человечества. М.: Новая Москва, 1926.
- Ольдерогге Д. А.* Малайская система родства // Родовое общество. М.: Издательство АН СССР, 1951. С. 28–66.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII).
- Переписка Бориса Пастернака. М., Художественная литература, 1990.
- Монгайт А. Л., Першиц А. И.* Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет // Вопросы истории. 1955. № 1. С. 135–141.
- Преображенский П. Ф.* Первобытный монотеизм у огнеземельцев // Ученые записки Института истории РАНИОН. 1929а. Т. I. С. 201–253.
- Преображенский П. Ф.* Курс этнологии. М.-Л.: Государственное издательство, 1929б.
- Резван Е. А.* «Кореломный» момент // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII). С. 11–13.
- Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7–11 мая 1932 г. // Советская этнография. 1932. № 3. С. 12–14.
- Решетов А. М.* Николай Михайлович Маторин: (Опыт портрета ученого в контексте времени) // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 132–155.
- Решетов А. М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2. Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 147–192.
- Слезкин Ю. Л.* Советская этнография в нокдауне // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.

- Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5/IV-11/IV1929 г.) // Этнография. 1929. № 2. С. 110–144.
- Тишков В. А. Очерки теории этничности. М.: Наука, 2025.
- Токарев С. А. О системах родства австралийцев // Этнография. 1929. № 1. С. 25–50.
- Токарев С. А. Общественный строй меланезийцев // Этнография. 1929. № 2. С. 3–46.
- Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии // Советская этнография. 1933. № 2. С. 39–74.
- Формозов А. А. Археология и идеология (20–30-е гг.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 70–82.
- Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг.: // Российская археология. 1998. № 3. С. 191–206.
- Beinssen-Hesse S. Rereading Barry Hill's Broken Song. T. G.H. Strehlow and Aboriginal Possession. Knopf: Milson's Point, 2002. URL: <https://thingsgermanaustralian.blogspot.com/2013/07/rereading-barry-hills-broken-song.htm/> (дата обращения 20 ноября 2025 г.)
- Gibson J. 'Only the Best Is Good Enough for Eternity': Revisiting the Ethnography of T.G.H. Strehlow // German Ethnography in Australia. Ed. by: N. Peterson and A. Kenny. Canberra: ANU Press, 2017. P. 243–271.
- Gibson J., Johnston I. G., Cawthorn M. Repatriation of aboriginal sacred objects: prospects for the return of the poorly provenanced // Museum Management and Curatorship. 2023. № 38(6). P. 643–661.
- Hersey S. J. Endangered by Desire. T.G.H. Strehlow and the inexplicable vagaries of private passion. Presented as a thesis for the fulfilment of the degree of Doctorate of Philosophy (Ph.D.). University of Western Sydney, 2006. URL: https://researchers-admin.westernsydney.edu.au/ws/portalfiles/portal/94781078/uws_102.pdf (дата обращения 29 ноября 2025 г.)
- Kells S. Writing About the Oldest Oral Library in Australia: how Bruce Chatwin popularized — and misrepresented — the Arrernte people // Literary Hub. 2018. 12 April. URL: <https://lithub.com/writing-about-the-oldest-oral-library-in-australia/> (дата обращения 20 ноября 2025 г.)
- Kirby M. D. Strehlow Festschrift. T.G.H. Strehlow and Aboriginal Customary Laws // Adelaide Law Review. 1980–1981. Vol. 10. P. 172–212.
- Martin D. F. and Martin B. F. Challenging simplistic notions of outstations as manifestations of Aboriginal self-determination: Wik strategic engagement and disengagement over the past four decades // Peterson N. and Myers F. (eds.). *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia*. Canberra: Australian National University Press, 2016. P. 210–228.

Morton J. The Strehlow collection of sacred objects // Central Land Council. URL: <https://www.clc.org.au/uploads/2021/03/pdf> (дата обращения 21 ноября 2025 г.)

Strehlow T. G.H. Aranda Traditions. Melbourne University Press, 1947.

Strehlow T. G.H. Songs of Central Australia. Sydney: Angus & Robertson, 1971.

Sutton P. The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus. Melbourne University Press, Carlton, 2009.

Tenodi V. Australia, where *telling* the truth is 'just another form of invasion'// On Line Opinion. Australia's e-Journal of Social and Political Debate, October 2018. URL: <https://adelaideaz.com/articles/ted-strehlow-foremost-authority-on-aboriginal-language-culture-until-controversial-end> (дата обращения 29 ноября 2025 г.)

Research article

Artemova O. Yu. «A sudii kto?» (o tekh, kto unichtozhal nauku o pervobytnoi kulture) [«And who are the judges?» (about those who destroyed the science of primitive culture)] *Anthropologies*, 2025, no 2, pp. 96–118, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/96-118>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Artemova O. Yu. | artemova.olga@list.ru | <https://orcid.org/0000-0003-0937-6920>
| Institute of Ethnology and Anthropology RAS, chief researcher

Abstract

The author of the article tries to understand how it could have happened in our country during the Soviet times, a harsh ideologization of academic studies on social evolution. She shows huge damage that some professionally unsound but politically and ideologically engaged publications, as well as the activities of their creators in general, have done to this area of ethnological research. Their names are given and expressive fragments from the 1930's publications are quoted. Key issues of academic ethics and moral responsibility of scholars are raised. The author also points out the threats to ethnological studies that a pressure of ideology and politics can bring with it in our time.

Key words: ethnography, ethnology, history of primeval societies, evolution of social institutions, ideology, politics, state authorities and academic research, pressure of ideology and politics

References

Alpatov, V.M. 1991. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm* [The story of a myth: Marr and Marrism]. M. Nauka.

Alymov, S.S. 2013. *Ekspeditsiia v pervobytnost': ob odnoi nerealizovannoi mechte sovetskoi etnografii* [Expedition to Primeval Times: about one unrealized dream of Soviet ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 88–94.

- Alymov, S.S., Arzyutov, D.V. 2014. Marksistskaia etnografiia za sem' dnei: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh socialnykh naukakh v 1920–1930-e gody [Marxist Ethnography in Seven Days: a meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad and discussions in Soviet Social Sciences in the 1920s and 1930s]. *Ot klassikov k marksizmu: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)*, ed. D.V. Arzyutov, S.S. Alymov, D.J. Anderson. SPb.: MAE RAN, Kunstkamera — Arkhiv, 7: 21–83.
- Aptekar' Valerian Borisovich. *Otechestvenny'e etnografy' i antropologi. 20 vek* [Russian ethnographers and anthropologists]. s.a. URL: ethnographica.kunstkamera.ru. (accessed 28.11.2024)
- Arzyutov, D.V., Alymov, S.S., Anderson, D.J., eds. 2014. *Ot klassikov k marksizmu: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)*. [From Classics to Marxism: Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]. SPb.: MAE RAN, Kunstkamera — Arkhiv, 7.
- Beinssen-Hesse, S. 2002. *Rereading Barry Hill's Broken Song. T.G.H. Strehlow and Aboriginal Possession*. Knopf, Milson's Point. URL: <https://thingsgermanaustrian.blogspot.com/2013/07/rereading-barry-hills-broken-song.html/> (accessed 20.11.2025)
- Bykovskiy, S.N. 1931a. Kakie celi presleduiutsia nekotorymi arkheologicheskimi issledovaniiami? [What are the goals of some archaeological research?]. *Soobshheniia GAIMK*, 4–5: 20–22.
- Bykovskiy, S.N. 1931b. Iafeticheskii predok vostochnykh slavian — kimmeriicy [The Japhetic ancestor of the Eastern Slavs is the Cimmerians]. *Izvestiia GAIMK*, M., Ogiz, 8, 8–10.
- Bykovskiy, S.N. 1931c. Metodika istoricheskogo issledovaniia [Historical research methodology]. *Obrazovatelnaia biblioteka GAIMK*, 2. L.: Ogiz; GAIMK.
- Bykovskiy, S.N. 1931d. Etnografiia na sluzhbe klassovogo vruga [Ethnography in the service of the class enemy]. *Sovetskaia etnografiia*, 3, 4: 3–13.
- Bykovskiy, S.N. 1934. Doklassovoe obshchestvo kak socialno-ekonomicheskaiia formaciia [Pre-class society as a socio-economic formation]. *Sovetskaia etnografiia*, 1, 2: 6–39.
- Bykovskiy, S.N. 1935. *Lenin i osnovnye problemy istorii doklassovogo obshchestva* [Lenin and the main problems of the history of pre-class society]. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, Trudy instituta antropologii i etnografii AN SSSR.
- Formozov, A.A. 1993. Arkheologiiia i ideologiiia (20–30-e gg.) [Archaeology and Ideology (20–30s)]. *Voprosy filosofii*, 2 70–82.
- Formozov, A.A. 1998. Russkie arkheologi i politicheskie repressii 1920–1940 gg. [Russian archaeologists and the political repressions of the 1920s and 1940s.] *Rossiiskaia arkheologiiia*, 3: 191–206.
- Gibson, J. 2017. 'Only the Best Is Good Enough for Eternity': Revisiting the Ethnography of T.G.H. Strehlow. *German Ethnography in Australia*. Ed. by N. Peterson and A. Kenny. Canberra: ANU Press: 243–271.

- Gibson, J., Johnston, I.G., Cawthorn, M. 2023. Repatriation of aboriginal sacred objects: prospects for the return of the poorly provenanced. *Museum Management and Curatorship*, 38, 6: 643–661.
- Hersey, S.J. 2006. *Endangered by Desire. T.G.H. Strehlow and the inexplicable vagaries of private passion*. Presented as a thesis for the fulfilment of the degree of Doctorate of Philosophy (Ph.D.). University of Western Sydney. URL: https://researchers-admin.westernsydney.edu.au/ws/portalfiles/portal/94781078/uws_102.pdf (accessed 29.11.2025)
- Ivanova, Yu.V. 1999. Petr Fedorovich Preobrazhenskiy: zhiznennyi put' i nauchnoe nasledie [Petr Fedorovich Preobrazhensky: his life and scientific legacy]. *Repressirovannye etnografy*, ed. D.D. Tumarkin. M., 1: 235–264.
- Kells, S. 2018. Writing About the Oldest Oral Library in Australia: how Bruce Chatwin popularized — and misrepresented — the Arrernte people. *Literary Hub*. 12 April. URL: <https://lithub.com/writing-about-the-oldest-oral-library-in-australia/> (accessed 2011.2025)
- Kirby, M.D. 1980–1981. Strehlow Festschrift. T.G.H. Strehlow and Aboriginal Customary Laws. *Adelaide Law Review*, 10: 172–212.
- Krichevskiy, E. Yu. 1934. Rev.: S.A. Tokarev. Rodovoi stroi v Melanezii [The tribal system in Melanesia]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*, 4: 116–129.
- Maksimov, A.N. 1930. *Materinskoe pravo v Avstralii* [Maternity law in Australia]. M.
- Martin, D.F., Martin, B.F. 2016. Challenging simplistic notions of outstations as manifestations of Aboriginal self-determination: Wik strategic engagement and disengagement over the past four decades. Peterson N. and Myers F. (eds.). *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia*. Canberra, Australian National University Press: 210–228.
- Matorin, N.M. 1931. Sovremenniy etap i zadachi sovetskoi etnografii [The modern stage and tasks of Soviet ethnography]. *Sovetskaya etnografiya*, 1–2: 3–38.
- Mongayt, A.L., Pershits, A.I. 1955. Nekotorye voprosy pervobytnoi istorii v sovetskoi literature poslevoennykh let [Some questions of primitive history in the Soviet literature of the post-war years]. *Voprosy istorii*, 1: 135–141.
- Morton, J. The Strehlow collection of sacred objects. *Central Land Council*. URL: <https://www.clc.org.au/uploads/2021/03/pdf> (accessed 21.11.2025)
- Nikolskiy, V.K. 1923. *Ocherk pervobytnoi kul'tury* [An essay on primitive culture]. M.-Pg., L.D. Frenkel'
- Nikolskiy, V.K. 1926. *Ocherki pervobytnogo chelovechestva* [Essays on primitive humanity]. M: Novaia Moskva.
- Olderogge, D.A. 1951. Malaiskaia sistema rodstva [The Malay kinship system]. *Rodovoe obshchestvo*. M.: Izdatel'stvo AN SSSR: 28–66.

- Perepiska Borisa Pasternaka* [Boris Pasternak's correspondence]. 1990. M., Khudozhestvennaia literatura.
- Preobrazhenskiy, P.F. 1929a. Pervobytnyi monoteizm u ognemelcev [Primitive monotheism among the Inhabitants of Tierra del Fuego]. *Uchenye zapiski Instituta istorii RANION*, 1: 201–253.
- Preobrazhenskiy, P.F. 1929b. Kurs etnologii [Course of ethnology]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo
- Reshetov, A.M. 1994. Nikolai Mixailovich Matorin (Opyt portreta uchenogo v kontekste vremeni) [Nikolai Mikhailovich Matorin: (The experience of portraying a scientist in the context of time)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 3: 132–155.
- Reshetov, A.M. 2003. Tragediia lichnosti: Nikolai Mixajlovich Matorin [The tragedy of personality: Nikolai Mikhailovich Matorin]. *Repressirovannye etnografy*, 2. Ed. D.D. Tumarkin. M.: Vostochnaia literatura: 147–192.
- Rezoliuciia Vserossiiskogo arkhologo-etnograficheskogo soveshhaniiia 7–11 maia 1932 g. [Resolution of the All-Russian Archaeological and Ethnographic Conference on May 7–11, 1932]. 1932. *Sovetskaia etnografiia*, 3: 12–14.
- Rezvan, E.A. 2014. «Korelomnyi» moment [The «turning point»]. *Ot klassikov k marksizmu: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)*, ed. D.V. Arzyutov, S.S. Alymov, D.J. Anderson. SPb.: MAE RAN, Kunstkamera — Arkhiv, 7: 11–13.
- Slezkin, Yu.L. 1993. Sovetskaia etnografiia v nokdaune [Soviet ethnography in a knockdown]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2: 113–125.
- Soveshhanie etnografov Leningrada i Moskvy (5.04–11.04.1929) [Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]. 1929. *Etnografiia*, 2: 110–144.
- Strehlow, T.G.H. 1947. *Aranda Traditions*. Melbourne University Press.
- Strehlow, T.G.H. 1971. *Songs of Central Australia*. Sydney: Angus & Robertson.
- Sutton, P. 2009. *The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus*. Melbourne University Press, Carlton.
- Tenodi, V. 2018. Australia, where *telling* the truth is 'just another form of invasion'. *On Line Opinion. Australia's e-Journal of Social and Political Debate*, October. URL: <https://adelaideaz.com/articles/ted-strehlow-foremost-authority-on-aboriginal-language-culture-until-controversial-end> (accessed 29.11.2025)
- Tishkov, V.A. 2025. *Ocherki teorii etnichnosti* [Essays on the theory of ethnicity]. M.: Nauka.
- Tokarev, S.A. 1929. Obshhestvennyi stroi melaneziicev [The social system of the Melanesians]. *Etnografiia*, 2: 3–46.

- Tokarev, S.A. 1929. O sistemakh rodstva avstraliicev [About the kinship systems of Australians]. *Etnografiia*, 1: 25–50.
- Tokarev, S.A. 1933. Rodovoi stroi v Melanezii [The tribal system in Melanesia]. *Sovetskaia etnografiia*, 2: 39–74.
- Vasil'kov Ya.V., Sorokina M. Yu. 2003. *Liudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskii period (1917–1991)* [People and destinies. Bio-bibliographic Dictionary of Orientalists who were victims of Political Terror during the Soviet period (1917–1991)]. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Zastrozhnova, E.G., Tikhonov, I.L., Tikhomirov, I.S. 2023. S.N. Bykovskiy: ot krasnogo komandira do zamestitelia predsedatelia GAIMK (novye materialy k biografii) [S.N. Bykovskiy: from the red commander to the deputy chairman of the GAIMK (new materials for the biography)]. *Arkheologicheskie vesti*, In-t istorii materialnoi kultury RAN, 39. ed. N.V. Khvoshhinskaia. SPb.: 292–310.
- Zolotarev, A.M. 1931. Proiskhozhdenie ekzogamii [The origin of exogamy]. *IGAIMK*, 10, 2, 4: 1–67.
- Zolotarev, A.M. 1940. «Proiskhozhdenie semii, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva» F. Engelsa i sovremennaiia nauka [«The Origin of the Family, Private Property and the State» by F. Engels and modern science]. *Istoriik-marksist*, 12: 27–46.
- Zolotarev, A.M. 1940. K istorii rannikh form gruppovogo braka [On the history of early forms of group marriage]. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta*, 2: 144–169.

